

П. Н. МИЛЮКОВ

Главные течения русской исторической мысли

<...> Не будем останавливаться на антропологических и психологических воззрениях русских шеллингистов и перейдем теперь прямо к историческим приложениям шеллингизма. Как мы видели, самый принцип мировоззрения Шеллинга есть исторический; первые его произведения носят явные следы гердеровского влияния. Однако же сам Шеллинг ограничился самым общим приложением своих идей к объяснению хода всемирной истории: и даже то немногое, что сказано по этому поводу в конце *Системы трансцендентального идеализма*, было им впоследствии взято назад. Преимущественные наблюдения единства, тождества в развитии делают Шеллинга даже равнодушным и невосприимчивым ко всему изменяющемуся в процессе. Все изменяющееся есть мнимое, кажущееся; истинная сущность остается неизменной. «Все, что происходит по определенному механизму или что может быть выведено a priori, — говорится в *Системе*, — совсем не составляет предмета истории. Теория и история прямо противоположны друг другу. Человек только потому имеет историю, что то, что он совершит, нельзя рассчитать ни по какой теории. Произвол, в этом смысле, есть божество истории... С царством разума и совершенной свободы история бы закончилась» *. Другими словами, история есть субъективная человеческая иллюзия, происходящая от неполноты человеческого самосознания. Объективно истории не существует, как не существует и реального мира; существует одно абсолютное, бесконечно добывающееся полного сознания

* Ср. *Исторические афоризмы* Погодина, с. 7, 84. («Чем больше будет развиваться человечество, тем деяния его будут яснее, простее, и, наконец, историею будет самое настоящее время, т. е. человек будет вместе и действовать и знать свои действия, или, лучше, уже не будет истории»... «Может быть, один человек во всем мире (плод всего мира)... уразумеет историю в какой-нибудь краткой формуле, достигнет самопознания... и круг истории... закончится»).

самого себя. Не сознающий себя мировой дух творит реальные явления природы; точно также и не сознающий себя вполне человеческий дух создает в истории нечто реальное, внешнее себе, именно «правовой порядок». Не сознавая своего тождества с созданною им общественною формой, человеческий дух вступает в противоречие с этою формой, как несовместимой с его сознанием внутренней свободы. Таким образом, история на первой ступени является внешним духу стеснением его свободы, необходимостью, судьбой. Дальнейшее развитие истории состоит в постепенном примирении и слиянии этой внешней необходимости с внутренней свободой.

Отрицательное отношение Шеллинга к истории как к чему-то иррациональному сказалось, как увидим ниже, и в философско-исторических конструкциях русских шеллингистов. Но, несмотря на такое отношение к истории, в общих идеях философии тождества заключалось столько материала для исторических построений, что немецкие последователи Шеллинга не замедлили сделать из него соответствующее употребление, а следом за ними пошла и русская молодежь двадцатых годов. Под влиянием шеллингизма должны были перерешиться теперь самые коренные вопросы истории. Распространяется ли закономерность мирового процесса, изображенного Шеллингом, на исторические явления, или в них действительно господствует произвол, не подчиняющийся никаким законам? Заслуживает ли поэтому история названия науки или не заслуживает? Если признать закономерность исторического процесса, то как примирить с этим идею личной свободы и нравственного достоинства? Далее, если признать исторический процесс чем-то цельным, подобно мировому процессу, какие выводы вытекают из такого признания и как должны быть конструированы важнейшие моменты процесса? Мы сказали, что с точки зрения шеллингизма предстояло *перерешить* все эти вопросы, но для правильного понимания роли шеллингизма в развитии русской исторической мысли вернее было бы сказать, что большая часть перечисленных вопросов под влиянием шеллингизма *впервые* были поставлены в России. Если раньше мы и могли говорить о «философии истории» различных русских исследователей — в смысле их наличного мировоззрения, — то о сознательном и систематическом философствовании над теоретическими вопросами истории речь может идти только начиная с двадцатых годов XIX века.

